

ДИАЛЕКТИКА САМОСОЗНАНИЯ И «ПРАКТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ» ПСИХОТЕРАПИИ

Е.РОМЕК

Профессиональная психотерапия, несмотря на множество культурных аналогий, – специфически европейское изобретение. В статье анализируется социальная потребность, обусловившая институализацию психотерапии в нынешнем столетии. По мнению автора, последняя выполняет функцию искусственной, т.е. специально и профессионально организованной, личностной рефлексии. Теоретическое предвосхищение этой функции в европейской философии, а также ее практическое осуществление в классической психодраме Я.Л.Морено и составляет предмет предлагаемой статьи.

«Что за облегчение читать набросанный Морено очерк сложной, бесконечно богатой, многосторонней, живой и чарующей природы человека, после доминирующей картины "механического человека", редуцированного до автоматических рефлексов, картины "кастрированного человеческого животного" и "кастрированной вселенной", ежедневно рисуемой легионом "ученых" исследователей человека и его вселенной! Не могу не приветствовать это возрождение содержательного понимания человека и его "таинственной вселенной" с присущими им творческой неиссякаемостью, спонтанностью, сложностью и "космическим голодом"»

П.А.Сорокин (Moreno, 1959, p.163)

Якоб Леви Морено – последний из тех могикан, чьим титаническим трудом и творческим порывом в первой половине XX века был возведен храм «души нашего времени». З.Фрейд, А.Адлер, В.Райх, С.Шпильрейн, К.Г.Юнг – вот лишь несколько имен из длинного списка подвижников, заложивших фундамент института Психотерапии. Морено пережил большинство из них, сумев избежать греха высокомерной псевдомудрости – «sic transit gloria mundi...». Вместе с тем, позиция патриарха, в которой он оказался по прихоти судьбы, позволила ему сформулировать «вопрос столетия» в психотерапии: «Каким образом различные методы могут быть согласованы и сведены в единую всеобъемлющую систему?» (Moreno, 1959, p.3).

С моей точки зрения, *наглядным* ответом на этот вопрос является само учение Морено, в котором ярко и талантливо выражена парадигмальная и институциональная основа психотерапии – функция *искусственной личностной рефлексии*. В отношении к этой функции разнообразные психотерапевтические школы и направления выступают лишь различными средствами достижения одной и той же цели. Я.Л.Морено осознал это обстоятельство одним из первых¹.

* * *

В одной из самых пронзительных своих работ – книге «Упадок и возрождение культуры» А.Швейцер возлагает ответственность за деградацию современной культуры на философию. Последняя занималась «всем, только не культурой. Она, невзирая ни на что, продолжала тратить усилия на выработку теоретического всеобъемлющего мировоззрения в уверенности, что оно поможет решить все проблемы. Философия не задумывалась над тем, что это мировоззрение, зиждущееся только на истории и естественных науках и соответственно лишенное таких качеств, как оптимизм и этичность, даже в законченном виде всегда будет оставаться "немошным" мировоззрением, которое никогда не сможет породить энергию, необходимую для обоснования и поддержания идеалов культуры» (Швейцер, 1993, с.238). Нагружая философию бременем непосильных духовных обязанностей и обвиняя ее в неспособности с ними справиться, Швейцер не замечает, что исторически поставленная им проблема уже решена. Культура как практическая философия отдельной человеческой личности, – а ведь именно этот аспект мировоззрения отсутствует, с его точки зрения, в современной философии, – в XX в. стала предметом психотерапии². Речь при этом идет, правда, не столько об

¹ Цитированная выше статья Морено «Перенос, контрперенос и теле» была написана в 1954г., когда скачкообразный рост числа терапевтических направлений, «позитивистский» напор бихевиоризма, а также критическая реакция на сциентистские ориентации академической психологии стимулировали дискуссию о миссии и дисциплинарной идентичности психотерапии. В обсуждении этой темы приняли участие ключевые фигуры в психотерапии, психологии и философии – достаточно вспомнить знаменитую «Римскую речь» Ж.Лакана, ответ на нее Д.Лагаша или работу К.Ясперса «Природа психотерапии. Критическая оценка».

² На это обстоятельство обращает внимание Н.С.Автономова. Оценивая значение психоанализа во Франции, она замечает: «В обстановке кризиса главных философских направлений и господствующих идеологических систем (ситуация в чем-то сходная с нашей) все направления гуманитарной мысли повернулись к человеку как к индивиду.

«идеалах культуры», «этически-оптимистическом мировоззрении» и пр. самих по себе, сколько о конкретном и уникальном единстве многообразного – о личности, в микрокосме которой отражается все хитросплетение мировых проблем.

Впрочем, неведение Швейцера вполне объяснимо – психотерапия выступает носителем *индивидуально-центрированного*³, а значит, принципиально нового, противоположного традиционному, мировоззрения. Его корни уходят в социально-культурную революцию Нового времени – именно тогда в ходе буржуазных преобразований были созданы предпосылки становления человеческой индивидуальности. Первые результаты этого процесса предвосхитил Декарт, провозгласивший абстрактное тождество трансцендентального субъекта («*Cogito ergo sum*») *самоочевидной врожденной истиной*. Но уже немецкая классическая философия обнаружила полную невозможность осуществления самосознания («Я есмь Я») в соответствии с аристотелевским законом тождества.

«Положение Я самим собой есть чистая деятельность, – писал Фихте в "Наукоучении". – Я полагает себя самого и оно есть только благодаря этому самоположению ... Я – результат действия и само действие, дело-действие» (Фихте, 1916, с.64) . «Дело-действие» самосознания заключается в рефлексии и поэтому предполагает не-Я – природу, общество, *другие Я*. Лишь «оттолкнувшись» от внешней границы (не-Я), сознание может обратиться на себя самое, т.е. стать самосознанием. Таким образом, необходимость *иного* заложена в самом принципе современного Я.

Вместе с тем, для осуществления рефлексии недостаточно существования иного в качестве абстрактной противоположности сознания. «"Я" должно быть во всем, к чему оно стремится, и что оно делает» (Гегель, 1993, с.78). Только превратив тем или иным образом внешнюю действительность в собственное *иноебытие*, Я способно увидеть в ней самое себя. Зеркалом человеческой индивидуальности может стать исключительно *очеловеченный, личностно освоенный мир*.

Однако основополагающие социально-экономические тенденции, обусловившие в XVII-XVIII в.в. индивидуализацию субъекта, по мере развития западного общества, превращались в препятствие личностному освоению действительности. Амбитенденцией рыночной экономики, например, стало овещнение человеческих отношений (отношение к

А понятия психоанализа – это, прежде всего, понятия индивидуальной психики, определяющей человеческую судьбу. Мне представляется возможной такая гипотеза: психоанализ во Франции играет роль практической философии или иначе – философии практического разума» (Автономова, 1993, с.28).

³ Именно обращение к полюсу индивидуализированного субъекта (вот-этого-человека в мире) специфицирует мировоззрение как предмет психотерапии. По форме оно может быть (естественно-) научным, религиозным, философским или даже мифологическим. Так, А.Блатнер считает первостепенной задачей психотерапии в эпоху постмодерна помощь клиенту в создании его собственной системы базисных ценностей путем построения «мифологии личности» (Blatner, 1997). См. также работу: Feinsein D., Krippner S. Personal mythology: The psychology of your evolving self. Los Angeles: J.P.Tarcher, 1988.

Другому через посредство и как к вещи); демократии – нивелирующая диктатура «общественного мнения»; индустриализма – превращение человека в функцию технологического процесса (К.Ясперс) и т.д. и т.п. Это противоречие «индивидуалистического общества» в заостренной форме выразил Ортега, утверждавший, что три начала, внедренные XIX веком, – либеральная демократия, экспериментальная наука и промышленность, – привели к власти конформную массу. *Массу*, а не свободную самостоятельную личность, ибо «когда для заурядного человека мир и жизнь распахнулись настезь, душа его для них закрылась наглухо» (*Ортега-и-Гассет*, 1991, с.321). Если вынести за скобки элитарность оценок Ортеги и предположить, что заурядными людьми, равно как и философствующими интеллектуалами-одиночками, не рождаются, а *становятся*, причем при определенных условиях, то смысл этого утверждения сводится к следующему: в качестве меры индивидуального самосознания в западном обществе полагается внешняя (вещная, объективированная, нормативная и т.д.) реальность, с которой субъект идентифицируется либо позитивно⁴, либо негативно, нарциссически замыкаясь в декартовой раковине трансцендентального (творческого, духовного и т.д.) Ego. Но и то, и другое – противоположные формы *объективации* субъекта. «На смену "это (есмь) я" ("ce suis-je") современников Вийона у нас, – замечает Лакан, – пришло "это (есть) мое я" ("c'est moi") современного человека. Мое я (le moi) современного человека сформировалось ... в диалектическом тупике "прекрасной души", не умеющей разглядеть в обличаемом ею хаосе мира смысла собственного существования» (*Лакан*, 1995, с.51).

На этой культурно-исторической почве и вырастает проблема, рожденная, конечно же, не философией, но находящаяся, вопреки обвинению Швейцера⁵, в центре ее внимания вот уже два столетия. Более того, именно экзистенциально-персоналистский поворот в философии Кьеркегора, Ницше, Хайдеггера, Ясперса стал отправным пунктом широкомасштабной критики позитивистских установок академической психологии и кристаллизации на ее основе базисных идеализаций «практической философии» психотерапии.

Суть проблемы состоит в том, что в современном обществе личностная рефлексия, а следовательно, и самоактуализация, позитивная свобода, «полнота» субъекта существуют разве что в качестве исключения. Правилom же является отождествление субъектом «своего я» с остающимися внешними по отношению к нему объектами, т.е. абстрактная, пустая, *не-личностная*, форма самосознания. Переходя от

⁴ Тогда в собственном самосознании он становится «человеком-ящиком» (К.Абэ), «человеком-волком» (З.Фрейд), «человеком-дельцом», «человеком, который стоит миллион», «человеком-профессором» и т.п.

⁵ «... философия так мало уделяла внимания культуре, что даже не заметила, как и сама вместе со своим временем все больше сползала к состоянию бескультурия. В час опасности страж, который должен был предупредить нас о надвигающейся беде, заснул. Вот почему мы даже не пытались бороться за нашу культуру» (*Швейцер*, 1993, с.238).

одной объективизации «своего я» к другой, субъект оказывается вовлеченным в дурную бесконечность сизифова труда, который – покуда он осуществляется без сбоя – дает ему «все необходимое, чтобы забыть о своем существовании и смерти и в мнимом общении пренебречь смыслом своей собственной жизни» (Лакан, 1995, с.51).

Но поскольку этот переход происходит во внутреннем времени субъекта, стягивающем развитие его индивидуальной судьбы в историческое и генетическое единство, малейшая задержка, любой сбой⁶ в механизме переключения идентификации с одного объекта на другой ведут к противоречию между различными образами «своего Я», разрушают когерентность самосознания, выступая источником личностного конфликта. Многообразные вариации последнего вращаются вокруг двух полюсов: либо субъект «застревает» на одной из объективаций «своего я» и отрицает (вытесняет) другие, противоречащие ей, либо, чувствуя себя растерянным среди множества абстрактных моментов «своего я», не может ни остановить свой выбор на каком-нибудь из них, ни интегрировать их в единство. В обоих случаях носитель разорванного сознания переживает кризис самоидентичности⁷.

Со второй половины XX в. сбоем механизма объективирующей рефлексии содействуют дополнительные факторы, такие, например, как «технологическое ускорение и общедоступность коммуникации, мобильности, межкультурного взаимодействия» (Blatner, 1997), релятивистские установки мировоззренческой парадигмы постмодернизма и т.п. «Итогом влияния этих процессов, – пишет А.Блатнер, – является децентрация индивида. Общество постмодерна подрывает опыт тех, кому необходимо ощущение укорененности собственного бытия в чем-то "внешнем", "объективно истинном". Современные технологии вовлекают людей в перспективы различных культур и субкультур, в результате чего такие понятия, как "единство" и "концензус", теряют смысл» (там же).

Всеобщность основания «децентрации индивида» в западном обществе порождает острую *социальную* потребность в личностной рефлексии, или синтезе объективированных моментов «Я» современного человека в единство многообразия его личности. Никакая «внешняя», «объективно истинная», абстрактно противоположная индивиду реальность не может стать основой такого синтеза. Единственная возможность его осуществления заключается в *присвоении* субъектом отчужденных ипостасей собственной личности как *своего-иного*. «Я есмь не-Я» – такова формула этого присвоения. Поэтому, полагая «сложную, бесконечно богатую, многостороннюю, живую и чарующую» целостность

⁶ Например, вследствие фрустрации, психической травмы, в «пороговой ситуации» и т.п.

⁷ Мировоззренческие следствия этой проблемы находятся в центре внимания персоналистски ориентированной философии со времен Ницше и Кьеркегора. Открытие ее медицинских следствий было подготовлено психиатрией XIX в. (см.: М.Фуко. История безумия в классическую эпоху. – СПб: Университетская книга, 1997. Ч.3), но парадигмальное выражение получило только в рамках фрейдовской теории психического детерминизма, установившей каузальную связь между личностным конфликтом и невротическим симптомом (истерическая конверсия).

субъекта (П.Сорокин), личностная рефлексия предполагает ей симметричную целостность человеко-соразмерного мира.

Потребность в личностной рефлексии получила всестороннее отражение в европейской философии XIX-XX в.в. Описывая симптоматику отчуждения, различные школы не скупилась и на рецепты его преодоления. Среди них были предложения, что называется, на любой вкус: от буддистской этики аскетизма (А.Шопенгауэр) до революционных теорий социального (Маркс) и личностного (Ницше, Ясперс, Сартр и др.) переустройства. Время шло, а европейцы продолжали страдать от «одиночества» и «автономизирующего конформизма», испытывать «тошноту» и «заброшенность», превращаться в «массу», лишаться прометеева «творческого порыва», и это становилось предметом дальнейшей «философской рефлексии».

Между тем, с возникновением психоанализа указанная проблема получила практическое разрешение. Открытие З.Фрейдом феномена *бессознательного* как такого содержания личности, которое входит в противоречие с осознанной концепцией «Я», не выявляется в акте рассудочной рефлексии, но выражается в поведении человека и может служить причиной тяжелейших соматических расстройств, предопределило миссию психотерапии. Ее главная задача теперь состояла в том, чтобы, открыв индивиду человеческий характер внешнего мира, поставить перед ним такое зеркало, в котором он смог бы увидеть целостность собственной личности и ограниченность своего рассудочного «Я». В этом и заключается функция *искусственной*, т.е. специально и профессионально организованной рефлексии, ставшая основой институализации психотерапии в нынешнем столетии. Принципы же ее «практической философии» Ж.Лакан определил так: «Принципы эти суть не что иное как *диалектика самосознания* (курсив мой. – Е.Р.), которая, идя от Сократа к Гегелю, от ироничного предположения реальности всего рационального устремляется к научному суждению, гласящему, что все реальное рационально. Открытие Фрейда показало, однако, что означенный процесс верификации не может подлинно захватить субъекта, не сместив его по отношению к центру самосознания, по оси которого располагала его гегелевская реконструкция феноменологии духа; другими словами, открытие это делает еще более сомнительными всякие поиски "осознания", которое выходило бы за рамки психологического феномена и не вписывалось бы в картину обстоятельств конкретного момента, который, собственно, и является плотью универсального...» (Лакан, 1995, с.62).

* * *

Метод Я.Л.Морено представляет собой органическое единство психодрамы, социометрии и групповой психотерапии. Идея *психодрамы*, или терапевтического театра, в котором «душа раскрывается в действии»

(Moreno, 1964, p.12), родилась из экспериментов молодого врача Морено и его друзей-актеров в Вене начала века. Главный итог этих опытов выразился в «театральной революции» – «свержении всевластия» драматурга и режиссера и создании принципиально нового «Театра Спонтанности», в котором актер, импровизируя, играет самого себя.

«Я наблюдаю в изумлении и объявляю миру, – писал Морено в 1923, – рождение в высшей степени реального театра, впервые в истории, с тех пор как он появился, этот дар богов. До сих пор театр отражал чужие страдания, здесь же, в Театре Психодрамы, он играет наше собственное горе. Доселе он грешил, служил фальшивым богам, теперь же он осуществляет самое себя в игре. ...Это драма, сотворенная своим собственным отрицанием» (Moreno, 1964, p.23).

Удивительно, но, начиная с самых первых опытов, Морено прекрасно сознавал, что его нарождающееся детище – Психодрама – выступает *противоположностью* традиционного театра, или театра как искусства, а вовсе не формой его развития.

Противоположность обусловлена различием целей: традиционный театр отображает во всеобщих эстетических формах *жизнь*, тогда как психодрама раскрывает в спонтанном сценическом действе *личность* актера. Уже в первой своей работе, посвященной психодраме («Театр спонтанности», 1923), Морено определил ее назначение с предельной ясностью: «Играя себя, ты видишь себя самого в собственном зеркале на сцене, раскрывшегося навстречу всему зрительному залу. Вот это-то твое отражение и вызывает глубочайший смех в других и в тебе самом, поскольку ты видишь собственный мир прошлых страданий разрешенным в воображаемых событиях. Существование внезапно оказывается не болезненным и обостренным, а комическим и забавным. Все твои былые горести, вспышки злости, твои желания, твои радости, твои исступления, твои победы, твои триумфы освобождаются от горести, злости, желания, радости, исступления, победы, триумфа, освобождаются от *raison d'etre*. Теперь ты можешь сказать себе: Полноте, я ли это был?» (Moreno, 1964, p.24).

Состояние, описанное Морено, есть не что иное, как *ментальный катарсис* – очищение от аффектов, «просветление души». Его источником выступает личностная рефлексия, в ходе которой эмоции, чувства, сомнения, убеждения, поступки индивида покидают узкие пределы его самосознания и выражаются в сценическом действии перед лицом спонтанно реагирующей публики, включающей его самого.

В отличие от Фрейда, рассматривавшего катарсис как отреагирование индивидом вытесненных эмоций, Морено видит в нем результат *межиндивидуального* взаимодействия. И в этом пункте «театр спонтанности» смыкается с социометрией. Чувства коренятся, по убеждению Морено, не в индивидах, а в отношениях между ними. Многообразные притяжения и отталкивания между людьми образуют

сложнейшую систему «социометрической географии человеческих сообществ» (Moreno, 1993, p.24). Ее основу составляет взаимная интенциональность, которую Морено обозначил термином «теле». «Теле представляет собой двустороннюю эмпатию, – как у телефона, у нее два конца» (Moreno, 1993, p.25) «Теле – это мгновенное взаимное понимание личности другого человека и своего актуального положения, или жизненной ситуации. Теле – это не одностороннее вчувствование, теле – это столкновение (encounter). Теле – это двусторонний, полностью развернутый модус межчеловеческих отношений», – так характеризует этот феномен Г.Лейтц (Лейтц, 1994, с.55).

Психологической противоположностью теле выступает перенос, или проецирование на другого человека собственных бессознательных представлений, чувств и т.д. Излишне говорить, что Другой, при этом, обречен на непонимание.

Отношения теле являются основным источником катарсиса в психодраме. Как только человек перестает говорить о своих чувствах и сталкивается с необходимостью спонтанно выразить их в драматическом действии, он тут же замечает, порой с удивлением, что за чувствами скрываются конкретные отношения с конкретными людьми в конкретных жизненных ситуациях. Он вдруг обнаруживает, что является носителем некоторого числа ролей, которым соответствуют роли других индивидов, входящих или входивших ранее в его социальный атом⁸. И поскольку «определенный процесс в жизни одного человека ... соответствует определенному процессу в жизни другого» (Moreno, 1969, p.26), любая попытка переноса наталкивается в ходе инсценирования на сопротивление сопряженных ролей. Одно дело говорить: «Я одинок и никому не нужен» и совсем другое – продемонстрировать свое одиночество и ненужность в сценическом взаимодействии с отцом, матерью, школьным другом, коллегой и т.д. Отражаясь в ролях партнеров, субъективность индивида проходит социометрическую проверку на ситуационную реальность.

Специальные техники («дублирование», «зеркало», «обмен ролями» и др.) усиливают рефлексивный характер действия. Например, «обмен ролями» – одна из популярнейших психодраматических техник – позволяет индивиду не только взглянуть на себя глазами партнера, но и испытать его чувства. «Если, например, муж и жена воюют в реальности каждодневной жизни, каждый из них остается в своей роли, в своей жизненной ситуации. Чувства, ожидания, страхи, разочарования и т.д. каждого остаются неизменными. ... Но в обмене ролями мы просим жену сыграть роль мужа, а мужа – сыграть роль жены. Причем, ожидаем, что они сделают это не номинально, но каждый из них совершит над собой усилие ... и проникнется мыслями, чувствами и поведенческими стереотипами другого» (Moreno, 1969, p.16). Драматическое столкновение

⁸ Социальный атом – элементарная социометрическая структура, включающая в себя отношения индивида с значимыми для него людьми.

с другими людьми активизирует телепроцесс. «Субъект обретает возможность встретиться не только с собственными ипостасями, но и с другими личностями, задействованными в его ментальных конфликтах. Эти личности могут быть действительными или иллюзорными. Таким образом, на сцене осуществляется тест на реальность, который другими методами лишь декларируется» (Moreno, 1993, p.54-55).

Наряду с инсценированием важнейшим катализатором и неизменным условием телепроцесса выступает психодраматическая группа. В «Театре спонтанности» Морено писал: «На этом сумасшедшем фестивале, *вызванном бунтом зрителей* против драматургов и актеров, Я высвобождаю высшую форму смеха» (Moreno, 1964, p.23. Курсив мой. – E.P.). Психодраматическая группа как раз и ведет свое происхождение от тех взбунтовавшихся зрителей, которые под предводительством Морено совершили некогда «театральную революцию». Функции группы многообразны. В ней происходит разминка (warming-up – «разогрев») – своего рода тренинг спонтанности, после которого участники чувствуют желание и готовность инсценировать свои ментальные конфликты. Группа выбирает протагониста⁹, а, следовательно, и проблему, подлежащую драматизации. Ее участники выступают «вспомогательными Я» (auxiliary egos)¹⁰ «первого актера» и его зрителями. Наконец, именно группа обеспечивает ролевую и личностную обратную связь.

Каждая из этих функций несет многоплановую рефлексивную и терапевтическую нагрузку. Скажем, миссия «вспомогательных Я» состоит, во-первых, в том, чтобы «вжиться в субъективность пациента и отождествить себя со всеми формами самовыражения пациента, насколько позволяют границы органического» (Moreno, 1945, p.58). Практически это означает, что «вспомогательные Я» призваны сыграть роли, задействованные в драме протагониста, т.е. *представить* его отца, мать, начальника, любимую детскую игрушку, а также его собственные ипостаси («любящего сына», «неуверенного подчиненного», «обиженного ребенка») – *так, как видит их он сам*. Благодаря процессу Теле, «вспомогательные Я» способны выразить самые глубокие стороны личности протагониста, заслоненные от его самосознания различными комплексами и социальными запретами, т.е. выразить то, чего сам он не осознает. Во-вторых, вместе с психодраматургом «вспомогательные Я» защищают и поддерживают протагониста, помогая ему пройти через самые болезненные жизненные или воображаемые ситуации, воспроизводимые на сцене. «Я известен другим людям. Они знают меня в качестве объекта, – писал Ж.Маритен, – а не субъекта. Они игнорируют мою субъективность как таковую: им неведома не только ее неисчерпаемая глубина, но и наличие целостности в каждом из ее

⁹ Протагонист – (греч.) первый актер в древнегреческой трагедии. В психодраме – участник группы, представляющий, при помощи психодраматурга, свою проблему в сценическом действии.

¹⁰ Иногда, правда, эту роль играют специально подготовленные актеры.

действий, эта экзистенциальная комплексность внутренних обстоятельств, данных природы, свободного выбора, привязанностей, слабостей ... которая только и придает смысл каждому из моих действий. ... Быть познаваемым в качестве объекта ... означает быть отторгнутым от самого себя и пораженным в собственной тождественности. Это означает всегда быть неверно понятым... Судилище оказывается маскарадом, где обвиняемый выглядит ряженым в собственный шутовской костюм, позволяющий взвешивать его действия» (Маритен, 1988, с.238).

«Вспомогательные Я» «знают» индивида в качестве субъекта. Но не только. Они «знают» и отображают то, что формирует и наполняет его субъективность – систему взаимоотношений с его человеческим окружением. Именно поэтому они не судят, но понимают его. Они на его стороне при любых обстоятельствах, причем не как адвокаты, отстаивающие интересы своего клиента, а как поэты, проникающие «своей фантазией и чувствами в *dramatis persona* своего героя» (Moreno, 1945, р.59). В качестве таковых «вспомогательные "Я"» оказывают протагонисту поддержку в критические моменты драматического действия – когда он решается изменить привычные ролевые стереотипы и тем самым изменить себя. Эта поддержка всегда выражается в действии или физическом контакте. Например, в ходе игры обнаруживается, что источником непреодолимого панического страха протагониста А перед авторитетами является законсервированная роль «вечно виноватого» сына перед лицом «сурового, но справедливого» отца, в которую он был вовлечен в детстве. Психодраматург просит протагониста выбрать среди членов группы того, кто сыграет его самого в настоящем – взрослого, сильного и самостоятельного. «Вспомогательное Я» (взрослый А) берет за руку протагониста в роли маленького мальчика – «вечно виноватого сына» и говорит, обращаясь к отцу: «Я твой сын, но я – взрослый и самостоятельный человек. Я не позволю тебе третировать малыша А. Я смогу постоять за него. Пусть он живет своей жизнью, оставь его в покое» и т.д. и т.п.

Наконец, по окончании драмы «вспомогательные Я» выполняют функцию обратной ролевой связи, которая позволяет протагонисту увидеть происходившие на сцене события глазами своих партнеров. И то, что ему открывается при этом, может носить неожиданный и даже шокирующий характер. Скажем, чтобы наладить отношения с матерью, он строит на сцене большой оснащенный по последнему слову техники дом, «в котором ей будет удобно», женится, «чтобы мама не надрывалась по хозяйству» и т.д. Она же в процессе обратной ролевой связи признается, что чувствовала себя в этом доме ненужной и отвергнутой...

Члены психодраматической группы, не задействованные в качестве «вспомогательных Я» в драме протагониста, составляют его публику. Эта публика выступает «звучащим общественным мнением» (Moreno, 1993, р.55). Ее спонтанная и непосредственная реакция на действие «может

варьироваться от смеха до бурного протеста. И чем более изолированным является индивид, вследствие того, например, что его драма на сцене сформирована иллюзиями и галлюцинациями, тем более важным становится для него присутствие зрителей, готовых принять и понять его» (Moreno, 1993, p.55). Вместе с тем, драма отражает один из «коллективных синдромов» зрителей (Moreno, 1993, p.56), не случайно выбравших в качестве протагониста этого индивида и эту проблему. Протагонист и зрители находятся в рефлексивных отношениях. Это становится очевидным на последней фазе психодрамы, во время шеринга (sharing), когда зрители делятся с протагонистом личными чувствами и переживаниями, нахлынувшими на них в ходе его драмы. «По мере того, как незнакомые люди из группы поднимаются и соотносят свои чувства с тем, что они узнали из постановки, он обретает новое чувство катарсиса – групповой катарсис; он отдал им свою любовь, а теперь они платят ему тем же» (Moreno, 1993, p.58).

Таким образом, условием катарсиса протагониста в психодраме является катарсис членов группы и наоборот. *Это – межличностный катарсис, переживание которого открывает индивиду, что сам он и мир вокруг него сотканы из человеческих отношений и, следовательно, гомогенны, что овладеть и собой и миром можно, но только с помощью и посредством спонтанного и творческого взаимодействия с другими людьми.* В этом и состоит, по убеждению Морено, общая цель различных направлений современной психотерапии. Ведь «происходит ли терапевтическая встреча на кушетке, стуле, вокруг стола или во время сценического действия, принципиальная гипотеза во всех случаях заключается в том, что *взаимодействие* (курсив мой. – Е.Р.) производит терапевтический эффект» (Moreno, 1959, p.3).

ЛИТЕРАТУРА

- Автономова Н.С. Реальные травмы и символические исцеления? (по материалам российско-французской конференции «Психоанализ и науки о человеке». Москва, март-апрель 1992г.) // Вопросы философии. 1993, № 1-2.
- Гегель Г.В.Ф. Философия истории. СПб., «Наука», 1993.
- Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. М., «Гнозис», 1995.
- Лейтц Г. Психодрама. М., «Прогресс», 1994.
- Маритен Ж. Краткий очерк о существовании и существующем. // Проблема человека в западной философии. М., «Прогресс», 1988. С.229-261.
- Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. // Эстетика. Философия культуры. М., «Искусство», 1991. С.309-350.
- Фихте И.Г. О понятии наукоучения, или так называемой философии. // Фихте И.Г. Избранные сочинения. Т.1. М., 1916.
- Швейцер А. Упадок и возрождение культуры. М., «Прометей», 1993.

- Blatner A. The Implications of Postmodernism for Psychotherapy. // Individual Psychology, 53(4), Dec. 1997, p.476-482.*
- Moreno J.L. Psychodrama. V.1. – Beacon (N.Y.): Beacon House, 1964.*
- Moreno J.L. Psychodrama. V.2 – Beacon (H.Y.): Beacon House, 1959.*
- Moreno J.L. Psychodrama. V.3 – Beacon (N.Y.): Beacon House, 1969.*
- Moreno J.L. The function of the auxiliary ego and inter-personal therapy. // Psychodrama Monographs, No.16. – Beacon (N.Y.): Beacon House. 1945.*
- Moreno J.L. Who shall survive? Foundations of Sociometry, Group Psychotherapy and Sociodrama. Student edition. – McLean (VA): ASGPP, 1993.*